

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.71-89>

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ В VI–VII вв.

Виктор Николаевич Зинько¹, Алексей Викторович Зинько²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>

² a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований, позволившие реконструировать этнополитические процессы в Восточной Таврике в VI–VII вв. К VI в. восточно-крымские степи обезлюдили и служили для сезонных перекочевков гуннских племен. Значительное влияние на этнополитические процессы на Боспоре в VI–VII вв. оказала Византийская империя, которая в 527/528 гг. присоединила эти земли. Археологические исследования дают достаточно скудные сведения о городских постройках столицы Боспора в VI в. Иная археологическая ситуация сложилась с сохранностью ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака, где благодаря постоянным многолетним научным исследованиям открыты большие площади. Судя по археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим находкам, подавляющее большинство населения Тиритаки в VI в. составляли, как и ранее, боспорские греки, в основной массе невысокого достатка, занятые в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. После набега тюрков в 576 г. Боспор и Тиритака пришли в упадок, и лишь на некоторых участках этих городов были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII в., а затем сожженные хазарами. Боспор постоянно испытывал давление орд кочевников, которые на протяжении столетий перемещались, сменяя друг друга, в великом поясе степей. Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике особенно усилилась в ранневизантийскую эпоху. После хазарского погрома все боспорские поселения обезлюдели, а незначительные остатки прежнего населения сосредоточились в разрушенном пожарами городе Боспор, который на долгие столетия превратился в захолустный провинциальный городок, входящий в состав различных государственных образований.

Ключевые слова: Восточная Таврика, Византия, город Боспор, город Тиритака, ранневизантийское время, археологические исследования, этнополитические процессы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

TURBULENT ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE EASTERN TAURICA IN THE SIXTH AND SEVENTH CENTURIES

Viktor N. Zin'ko, Alexey V. Zin'ko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

© Зинько В.В., Зинько А.В., 2021

Abstract. This paper presents the results of archaeological researches allowing the one to reconstruct ethnopolitical processes in the eastern Taurica in the sixth and seventh centuries. By the sixth century, the eastern Crimean steppes were depopulated and used for seasonal migrations of the Hunnic tribes. The Byzantine Empire made a significant influence on the ethnopolitical processes in the Bosporos in the sixth and seventh centuries when annexed this country in 527/528. Archaeological researches supply scanty information about the urban buildings of the Bosporan capital in the sixth century. Alternative archaeological situation developed with the preserved Early Byzantine layers of the Bosporan town of Tyritake, where continuous many-year-long archaeological research uncovered large areas. According to the archaeological materials and a few epigraphic finds, Bosporan Greeks constituted the overwhelming majority of the population of Tyritake in the sixth century as before, being mostly the persons of moderate means, engaged in fishing and agricultural production, crafts and petty trade. After the raid of the Turks in 576, Bosporos and Tyritake declined, with only isolated residential houses reconstructed in certain areas in these towns; these houses lived to the third quarter of the seventh century when they were burned down by the Khazars. Bosporos constantly experienced the pressure from nomadic hordes, which, over the centuries, moved here and there, replacing each other, along the great tract of the steppes. The turbulence of ethnopolitical processes in the Eastern Taurica especially intensified in the Early Byzantine Period. Following the Khazar devastation, all the Bosporan settlements were depopulated, and the insignificant remnants of the former population concentrated in the fire-ravaged town of Bosporos, which for centuries became an out-of-the-way provincial town forming a part of different polities.

Keywords: eastern Taurica, Byzantium, town of Bosporos, town of Tyritake, Early Byzantine Period, archaeological research, ethnopolitical processes

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 “The Byzantine Empire’s Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

К VI в. Боспорское царство находилось в закате своего былого величия. Восточно-крымские степи обезлюдил и служили для сезонных перекочевок гуннских племен [8, с. 48–49; 28, с. 108–131]. По сведениям письменных источников, в начале VI в. Византия активизирует свою политику на Крымском полуострове, в том числе в таком важном стратегическом районе как Боспор Киммерийский [3, с. 94; 6, с. 190–191]. Вероятно, боспориты обратились за помощью к византийскому императору из-за захвата царства гуннами. Император Юстин отправил на Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам в войне против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, однако в 522 г. Боспорское царство попало под непосредственный контроль империи [6, с. 190–191; 4, с. 5].

О дальнейших событиях на Боспоре известно из кратких и довольно путаных упоминаний в сочинениях византийцев. Так, в первый год правления императора Юстиниана I (527–565) правитель живших близ Боспора гуннов Горд или Грод крестился в Константинополе. Возможно, его крещение было подготовлено армянином Кардостом [10, с. 92–93, прим. 76], который ранее крестил многих гуннов и даже создал священное писание на гуннском языке. После крещения Горда отправили на Боспор «блести интересы империи» [29, с. 26–27]. Согласно Феофану, для этого ему был придан небольшой

византийский арифм стратиотов под командой трибуна для охраны границ государства и сбора дани с гуннов быками [38, с. 51]. Все это указывает на то, что гуннские племена Горда и город Боспор перешли под контроль Византийской империи.

Вернувшись в степи, гуннский вождь Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из драгоценных металлов, и обменял их на милиарисии в городе Боспоре. Однако не пожелавшие принять христианство гунны по наущению жрецов убили Горда и передали власть его брату Муагериию (Мугелю). Но, возможно, как утверждает Иоанн Никиусский, Муагерий принял христианство вскоре после Горда [41, р. 141, 67]. После смены правителя гунны захватили город Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Для подавления мятежа византийский император послал морем отряд «скифов» под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно сушей из Одиссополя – Годилу и стратига Бадурия [38, с. 51]. Иоанн Никиусский сообщает, что отряд состоял из «скифов и готов». А. И. Айбабин полагает, что этноним «скифы» является архаическим заимствованием у классических античных авторов и под ним скрываются «готы», служившие в византийском войске [3, с. 95]. Гунны, как только узнали о приближении византийцев, бежали из боспорской столицы и «... в Боспоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно» [38, с. 51]. Феофан отнес описанные события к 527–528 гг. [6, с. 191]. Наступивший после этого период некой политической стабильности на Боспоре Киммерийском продолжался довольно недолго, в течение двух царствований – Юстиниана I и Юстина II. В найденной на Таманском полуострове строительной надписи с именем императора Юстиниана I упомянуты византийский трибун и отец города [32, с. 667–672; 6, с. 192]. Отец города возглавлял городскую администрацию [6, с. 192].

Древние авторы сообщали о различных гуннских племенах, кочевавших в Крыму, а также в степях Северного Причерноморья и Приазовья. По мнению Ф. Алтхейма, в борьбе за Боспор участвовали крымские гунны [40, р. 20]. М. И. Артамонов был убежден, что это были восточно-приазовские гунны-болгары или оногуры, или утигуры [10, с. 90–91]. А. В. Гадло считал, что Горд и Муагерий были вождями утигуров [11, с. 81]. Для определения этникона гуннов Горда А. И. Айбабин провел специальный анализ письменных источников и, по его мнению, это были альциагиры-кутригуры [3, с. 95–97; 8, с. 51]. С этими племенами исследователь связывает немногочисленные кочевнические погребения VI – начала VII в., выявленные у восточного берега Азовского моря и в степной части Крымского полуострова. По погребальному обряду они близки гуннским погребальным комплексам конца V в. из Изобильного, Мелитополя и из Марфовки в Восточном Крыму [2, с. 206–210; 3, с. 97].

В первой половине VI в. область на западе Меотиды занимали кутригуры, а утигуры размещались на ее восточном побережье. Кутригуры ранней весной пасли скот в крымской степи, а с наступлением летней жары перемещались на новые пастбища в низовья рек Днепра и Буга. Поздней осенью они возвращались на свои зимники на Крымском полуострове. Эти гуннские племена и в первой половине VI в.

находились все на той же первой стадии примитивного кочевания. Западная степная часть Восточной Таврики также, вероятно, входила в зону этих гуннских кочевий [3, с. 97]. Они вплотную подходили к приморским территориям Боспорского царства вдоль азовского и черноморского побережий, где сохранилось несколько городов и небольших поселений. Судя по материалам некрополей, какие-то отдельные небольшие группы гуннского населения могли входить и в состав боспорских жителей сельских поселений и городов.

Археологические исследования дают достаточно скудные сведения о городских постройках столицы Боспора в VI в. Ведение масштабных и планомерных археологических раскопок оказалось здесь невозможным, так как еще в первой половине XIX в. городское ядро современного города Керчь полностью поглотило территорию, которую занимал ранневизантийский город. Таким образом, более чем два столетия назад его культурные напластования оказались практически недоступны для археологов, не говоря уже о том, что в результате последующей активной строительной деятельности они понесли, и продолжают нести, невосполнимые утраты и разрушения. Материалы небольших локальных охранно-спасательных археологических раскопок позволяют предположить, что во время императора Юстиниана сохранялись прежние границы города Боспора у подножия горы Митридат, но основные элементы городской планировки неизвестны [18, там же библиография]. Т. И. Макарова во время охранных раскопок раскрыла в приморской части столичного Боспора фундаменты южной стены византийской крепости и остатки христианской базилики, видимо, построенной при императоре Юстиниане [33, с. 140; 34, с. 367–371; 6, с. 192]. Бывший столичный город украшали и мраморные статуи византийских императоров. Так, в собрании Керченского лапидария хранится часть привозной мраморной статуи – скульптурный портрет молодого императора Юстиниана I (рис. 1), который датируется первыми годами правления [31, с. 46]. У подножия г. Митридат раскопан дом рыбака VI в. [9, с. 7–16]. Боспор стал важной византийской крепостью, контролирующей Керченский пролив и переправу к предгорьям Кавказа. В порту Боспора были размещены военные корабли [6, с. 192].

Значительно большую информацию дают материалы исследований боспорских некрополей на склонах горы Митридат [19, там же библиография]. Они сохраняют свой традиционный боспорский городской облик, но наряду с семейными склепами и грунтовыми могилами появляется новый тип погребальных сооружений – небольшие плитовые могилы, которые вскоре становятся доминирующими. Среди погребального инвентаря здесь выявлены и ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации, которые служат археологическим признаком культуры варваров степей гуннского времени. Они распространились в Северном Причерноморье под влиянием гуннов, в археологическом материале из степи и из погребальных комплексов некрополя Боспора прослеживаются несомненные параллели. И. П. Засецкая, анализируя эти памятники, выделяет несколько хронологических групп, среди которых обращает на себя внимание вторая (вторая половина V – первая половина VI в.)

и третья (вторая половина VI – начало VII в.) [16, с. 97–106]. Вторая относится к периоду сравнительно стабильной политической обстановки в Северном Причерноморье, ознаменовавшемся сложением в степях мощного гуннского племенного союза. В это время широко распространились полихромные украшения, которые, хотя и представлены новыми формами орнамента и техники, продолжают традиции ювелирного искусства Боспора. Именно столица Боспорского царства была одним из центров производства полихромных украшений гуннской эпохи [15, с. 88].

Появление «гуннских» предметов в погребальном инвентаре некрополей Боспора и других поселений Восточного Крыма, вероятно, следует рассматривать как инфильтрацию какой-то незначительной части этого нового этноса или его традиций в материальную культуру боспорян. Аналогичная ситуация прослеживается в погребальном инвентаре со второй четверти VI в. и с украшениями в «готском» стиле, связанная с расквартированием в городе Боспоре византийских военных отрядов. Как полагает А. И. Айбабин, прибывшие в 527/528 гг. с войсками из Подунавья готы поселились в Боспоре с семьями и привезли в город остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным и орлиноголовым щитком [3, с. 100]. В первой половине VI в. боспорские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке, а во второй половине VI в. – пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис 2 варианта, а также серийно изготавливать боспорские орлиноголовые пряжки [1, с. 20, 21, 70–71, рис. 14,10; 15,3; 35,3]. Наличие таких фибул и пряжек в погребальном инвентаре некрополей Боспора А. И. Айбабин считает признаком германского этноса погребенных [3, с. 104–105], однако со второй половины VI в. эти элементы костюма становятся традиционными для большинства боспорян и свидетельствуют о проникновении новой моды в сложившуюся материальную культуру.

Иная археологическая ситуация сложилась с сохранностью ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака, где благодаря постоянным многолетним научным исследованиям открыты большие площади [23]. Так, в приморской части города на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков была построена, вероятно, византийскими архитекторами, трехнефная базилика с привозными колоннами из проконесского мрамора с капителями [12, с. 67]. Стены и фундаменты базилики сложены из местного известняка в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей-плинф, а кровля была черепичная. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. нам, совместно с архитектором В. В. Житниковым, удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, в толще же очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша – апсида. Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, состоявших из четырех колонн, имевшие продольное направление через все помещение

базилики (рис. 2–3). В восточной части южного нефа находилась купель, к которой можно было пройти через боковой вход, сделанный в южной стене базилики. В основании этого входа *in situ* сохранился массивный порожный камень с квадратными основаниями для двухстворчатой двери [27, с. 381].

В VI в. строительство идет и в центральной части боспорского города Тиритака, где возводятся новые производственные и хозяйственные комплексы. В этот период в этой части города сохраняется все та же террасная планировка. Террасы разделяла подпорная стена, вдоль которой проходила I-я продольная (керамическая) улица, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Улица перестала функционировать не ранее третьей четверти VI в., на это указывают датировки материалов из развала, перекрывшего улицу [23, с. 173]. С западной стороны к улице примыкала большая городская усадьба, где были исследованы ванны для обработки кожи. С западной стороны от ворот этой усадьбы в начале VI в. взводится комплекс для обработки кожи (рис. 4), состоящий из четырех небольших ванн. Кладка из плохо обработанных камней обрамляла четыре смежных цистерны, разделенные перегородками, сложенными из хорошо обработанных прямоугольных известняковых камней. Каждый из резервуаров имел покатое, с уклоном к северо-западу, днище, завершавшееся округлым в плане и сужающимся книзу углублением, занимавшим не менее одной трети площади резервуара. Борта и днища резервуаров были обмазаны цемянкой розово-красного цвета, нанесенной в 3–4 приема. Средние размеры резервуаров составляют 2,0x0,8 м, а размеры отстойников – 0,86x0,8 м. Судя по находкам керамики, этот комплекс ванн, как и сама городская усадьба, просуществовал до третьей четверти VI в. [17]. Однако уже не строятся большие рыбоперерабатывающие комплексы, выявлены лишь небольшие отдельно стоящие цистерны, рассчитанные для соления рыбы для личных нужд. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки исследовано значительное количество хозяйственных ям и керамических пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Так, в одной из ранневизантийских усадеб в центральной части города был исследован винный склад из 9 амфор. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, а скорее хранилось для личного употребления одной семьей [22].

На основании проведенных нами археологических исследований, город Тиритака в ранневизантийское время был довольно крупным и важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы на южной и восточной окраине города, ранее открытые В. Ф. Гайдукевичем, сохранили регулярную застройку и направление основных улиц. В центральной части города также выявлены кварталы и улицы, в основе своей повторяющие городскую планировку первых веков. В результате археологических исследований нами установлено, что в основе планировки Тиритаки в VI в., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого одно- или двухэтажного дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов и построек. Размеры тиритакских усадеб были

сравнительно невелики – от 150 до 300 м² [23, с. 179]. Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в.

Судя археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим находкам, подавляющее большинство населения Тиритаки в VI в. составляли боспорские греки, в основной массе невысокого достатка, занятые в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. Можно также предполагать, что самые большие городские усадьбы с производственными и хозяйственными постройками могли принадлежать незначительной по численности социальной верхушке из среды зажиточных горожан, в которую входили и немногочисленные представители клира во главе с местным епископом.

Исследования последних десятилетий дали некоторое количество материалов и о боспорском городе Китее, который в VI в. продолжал существовать в границах крепостных стен первых веков. На раскопанных участках нет следов катастрофических разрушений, перепланировок улиц, заброшенных мест. В самом центре города, в старой сакральной зоне исследованы остатки комплекса культовых зданий с круглым зданием-святилищем, которые неоднократно на протяжении VI в. перестраивались. Е. А. Молев полагал, что языческие религиозные обряды отправлялись в них и в раннехристианское время [35, с. 222–223]. О продолжении существования боспорского города Китее в прежних размерах свидетельствуют и находки последних лет на некрополе, где открыт ряд новых земляных склепов гуннского времени с фрагментами краснолаковой посуды со штампованными крестами. Судя по исследованным участкам некрополя, территория с новыми захоронениями, совершенными на протяжении V–VI вв., была достаточно обширной. Городской некрополь занимал, по всей видимости, всю ближнюю сельскую округу Китее. Земельные наделы должны были переместиться на запад и восток от города или на север от возвышенности Джург-Оба. В целом, Китей предстает одним из немногих боспорских городов этого периода, который функционировал в территориально-хозяйственной микроне юго-восточной части Восточного Крыма как небольшой локальный центр.

В 574 г. тяжело больной император Юстин II провозгласил наследником престола Тиберия. В первый год своего соправительства в ознаменование Пасхи 575 г. Тиберий объявил об отмене одного годового налога-канона, распределив льготу на четыре года. Согласно этому эдикту, жителям Боспора на тех же условиях сократили морскую повинность [30, с. 61]. На следующий 576 г. император Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в войне с Персией, направил к ним посольство во главе с Валентином. Пройдя трудный и долгий путь, посольство достигло ставки кагана Турксанфа, который после переговоров отправил Валентина к своему брату Тарду. В то время, когда Валентин там находился, Турсанф приказал хану утигуров Анагею осадить город Боспор, начав тем самым военные действия против византийских

владений в Таврике. Вскоре после прибытия на помощь утигурам тюркских войск Бохана, город Боспор был ими взят [3, с. 134; 7, с. 41].

Тюрки сожгли и разрушили городские постройки Боспора. Образовавшийся в результате пожаров слой зафиксирован на небольшом участке, исследованном Т. И. Макаровой в припортовой части у базилики [34, с. 389]. Аналогичный слой пожара был выявлен А. И. Айбабиным в 1990–1992 гг. при охранных раскопках в Кооперативном переулке. Здесь на северной окраине города Боспор были выявлены три городские усадьбы, погибшие при пожаре, который по сочетанию циклов бытования выявленной на полах и в заполнении краснолаковой керамики и амфорной тары можно связать с нападением тюрков в 576 г., а перекрывающий пожар слой относится к последней четверти VI – третьей четверти VII в. [3, с. 135–137, рис. 54].

В ходе тюркского похода 576 г. Тиритака также сильно пострадала, но следов сплошных пожаров в слое третьей четверти VI в. нам не удалось выявить при раскопках ни в центральной, ни в северной, ни в западной частях города. Город, вероятно, был покинут жителями, однако жизнь в нем после недолгого перерыва продолжалась вплоть до третьей четверти VII в. В процессе исследований в центральной части города были открыты лишь частично сохранившиеся жилищно-хозяйственные комплексы (рис. 5) – постройки, небольшие участки мощеных дворов, цемьяночная площадка с желобом-сливом винодельни, хозяйственные ямы, врытые в землю пифосы и амфоры. Иными словами, выявлена вполне рядовая – жилая, хозяйственная и производственная городская застройка, при этом функциональное назначение и планировку открытых сооружений и жилищно-хозяйственных комплексов в большинстве случаев выяснить не удалось. Из существовавших на этом центральном участке города до начала последней четверти VI в. шести усадеб, в VII в. были частично восстановлены лишь 2–3 жилищно-хозяйственных постройки, остальные остались лежать в руинах [24, с. 496–498].

Несколько иная ситуация открыта в ходе раскопок городской усадьбы у западной крепостной стены Тиритаки. Здесь двухэтажный жилой дом погиб в пожаре, который, судя по находкам краснолаковой керамики и небольшого склада амфор, следует датировать третьей четвертью VI в. Интересная находка была сделана в перекрывающем эту разрушенную усадьбу слое, где была обнаружена небольшая мраморная плитка с надгробной эпитафией церковного чтеца Феодора [42, с. 549–550]. Имя Феодор и ранее встречалось в Тиритаке на одной находке из раскопок В. Ф. Гайдукевича. При исследованиях в припортовой части города на участке XV был найден сосуд в форме фляги с двумя ручками. С одной стороны фляги в центре, на самой возвышенной части сосуда, изображен крест, а на плоской стороне процарапана греческая надпись – обращение к святому Феодору [12, с. 172–173, рис. 28,а,б]. Эту христианскую глиняную ампулу-флягу А. И. Айбабин датирует VII в. [3, с. 137]. Постройки, функционировавшие в VII в., были выявлены на нескольких участках и в приморской части города, где проводил раскопки В. Ф. Гайдукевич [12]. Здесь на участках V–VI, XIII и XV над слоем с разрушениями и пожарами третьей

четверти VI в. выявлен слой с частично восстановленными постройками, которые А. И. Айбабин отнес к концу VI – VII в. [3, с. 137]. Однако большинство поселений в приморских частях черноморского и азовского побережий Восточной Таврики были оставлены жителями, лишь на некоторых выявлены отдельные обитаемые постройки. Так, среди развалин крепости Илурата слой VII в. с краснолаковыми мисками LR-C формы 3-F был выявлен на участке III во дворе дома 2 [14, с. 110].

После ухода тюрков в 581 г. из Крыма [39, S. 124, 128] император Маврикий (582–602) предпринял усилия по защите владений Империи в Таврике и продолжил военно-административную реформу на полуострове. Так, из надписи, найденной в Тамани, известно, что «среди прочих великих и дивных деяний в сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го». Текст надписи дает основание говорить о подчинении дукe Херсона всех владений Империи на Крымском полуострове – Херсона, Юго-Западного Крыма и городов на Европейском Боспоре. Дука Херсона, вероятно, содействовал восстановлению в городе Боспор только разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений [3, с. 132, 141; 7, с. 39–41]. Однако жилые постройки города пришли в упадок, и на протяжении всего VII в. так и не были восстановлены все кварталы. Так, в северной части города, на месте охранных раскопок А. И. Айбабина, из трех сгоревших усадеб заново отстроили только одну [4].

Несмотря на все катастрофические последствия, связанные с тюркским погромом, жизнь в городах Боспор и Тиритака, а также в некоторых выживших приморских поселениях, начинает постепенно восстанавливаться. Сохранились и некоторые традиционные боспорские отрасли экономики. В VII в. продолжали солить рыбу в небольших цистернах, расположенных у гавани города Боспор [33, с. 140–141]. Однако, судя по тому, что был заброшен большой комплекс рыбозасолочных цистерн в юго-восточном предместье Боспора и на его месте возник христианский некрополь из плитовых могил [5, с. 6], соленую рыбу производили лишь для внутреннего употребления. В Тиритаке также продолжают использовать некоторые рыбозасолочные цистерны и винодельни [12, с. 55, 60–61; 24, с. 496]. Особо следует отметить в Тиритаке находку амфоры типа Якобсон 7 VI–VII вв., заполненную нефтью, о чем также свидетельствует и надпись на самой амфоре [12, с. 62–63, рис. 70]. Судя по проведенным исследованиям, нефть была добыта на Керченском полуострове [37]. Источники самородной нефти до сих пор известны вблизи Тиритаки, и она предназначалась на экспорт в Византию, где активно использовалась, в том числе и при изготовлении знаменитого «греческого» огня. Тиритака оставалась в VII в. и центром по производству зерновых культур. В 1992 г. в ближайших окрестностях этого города нами была на берегу моря исследована сельская усадьба с комплексом по переработке зерна, которую по находкам керамики и бронзовой боспорской монеты с начальными буквами императора Ираклия можно датировать первой половиной

VII в. [20, с. 19; 26, с. 161]. Еще одна боспорская монета с надчеканками монограммы из начальных букв имени Ираклия, датируемая 20-ми гг. VII в., была случайно найдена на территории раннесредневековой сельской усадьбы у с. Героевка в 2003 г. [36, с. 376]. Все это свидетельствует о достаточно оживленных товарно-денежных отношениях в сельском хозяйстве Тиритаки.

К интересным выводам о политической истории византийского Боспора пришел В. А. Сидоренко в результате изучения медной чеканки этого города в 590–668 гг. Начав с выпуска заимствованных из Херсона монетных типов, что отражало административное подчинение Боспора в 590 г. Херсону, этот город и при императоре Ираклии ориентировался на монетный тип Херсона (оборотная сторона), используя для лицевой стороны монет столичные прототипы чеканки. Позднее, в монетном типе города Боспора времени императора Константа II, не наблюдается прежних приверженностей традиционному типу херсонских анонимных монет. На монетах Константа II впервые появляется символ, который мог использоваться как инициальная буква названия Боспора, что, очевидно, свидетельствует о зависимом от администрации Херсона статусе византийского города Боспора. В целом монетная чеканка Боспора отражает его политическую историю на протяжении VII в. [36, с. 376].

Относительная стабилизация политической и хозяйственной жизни в Восточной Таврике в последней четверти VII в. вновь была разрушена. Этнополитическая ситуация коренным образом изменилась в результате завоевания степей Северного Причерноморья хазарами. По свидетельству Никифора, около 679 г. хазары напали на боспорские города и поселения на обоих берегах пролива [38, с. 154, 162; 3, с. 185, 187–189; 39, S. 170–183]. В городе Боспор в припортовой части Т. И. Макарова выявила слой пожара, который уничтожил базиликальный комплекс с крещальней и другими постройками. Исследовательница связывает этот пожар с вторжением хазар [34, с. 389–390]. Этот же пожар, от которого погибла вновь отстроенная в конце VI в. усадьба 1, был зафиксирован А. И. Айбабиным в Кооперативном переулке. По монетам слой этого пожара в северной части города Боспор им датируется между 659 и 686/687-ми гг. [3, с. 185–187, рис. 79]. От пожаров в последней четверти VII в. погибли восстановленные жилые и хозяйственные постройки в Тиритаке [12, с. 49–55, 67–72; 13, с. 172–173; 24, с. 498], а также христианская базилика в припортовой части города. Город был окончательно заброшен и оставлен жителями, а на его территории в VIII–IX вв. функционирует варварское селище [25].

Расположенный на далекой северной окраине средиземноморской ойкумены, Боспор постоянно испытывал давление орд кочевников, которые на протяжении столетий перемещались, сменяя друг друга, в великом поясе степей, вытянутом от Китая до Паннонии. Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике особенно усилилась в ранневизантийскую эпоху. С деградирующей экономикой и перманентно уменьшающейся численностью населения, ослабленный Боспор, не имея постоянной действенной военно-финансовой поддержки Империи, не мог оказать какого-либо эффективного сопротивления кочевым племенам, с завидным

постоянством нападавших на приморские боспорские города и поселения. После хазарского погрома все поселения обезлюдил, а незначительные остатки прежнего населения сосредоточились в разрушенном пожаром городе Боспор, который на долгие столетия превратился в захолустный провинциальный городок, входящий в состав различных государственных образований. Лишь через несколько десятилетий после хазарского набега новые орды кочевников начинают активно осваивать прибрежные и степные пространства Восточной Таврики, которые в VIII–X вв. покрылись несколькими сотнями новых селищ [21].



Рис. 1. Скульптурный портрет императора Юстиниана I
Fig. 1. A sculptured portrait of the Emperor Justinian I

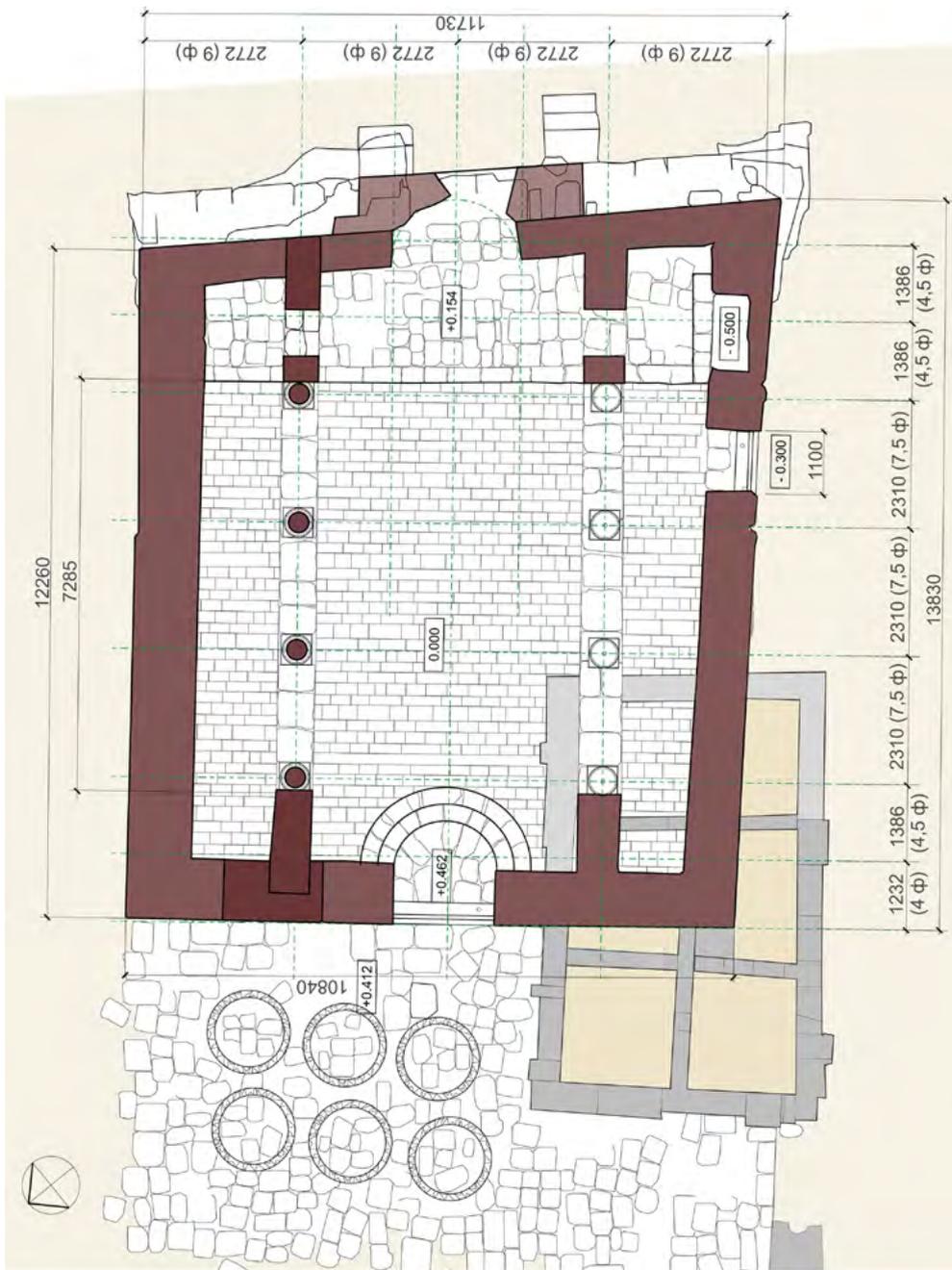


Рис. 2. План тиритакской базилики (по В. В. Житникову и В. Н. Зинько)
Fig. 2. Ground plan of the basilica of Tiritake (after: V. V. Zhitnikov and V. N. Zin'ko)



Рис. 3. Тиритакская базилика. Современное состояние, фото 2014 г.
Fig. 3. The basilica of Tyritake. Modern condition. Photographed in 2014



Рис. 4. Комплекс ванн для дубления кож в центральной части Тиритаки
Fig. 4. A complex of tanning baths in the central area of Tyritake

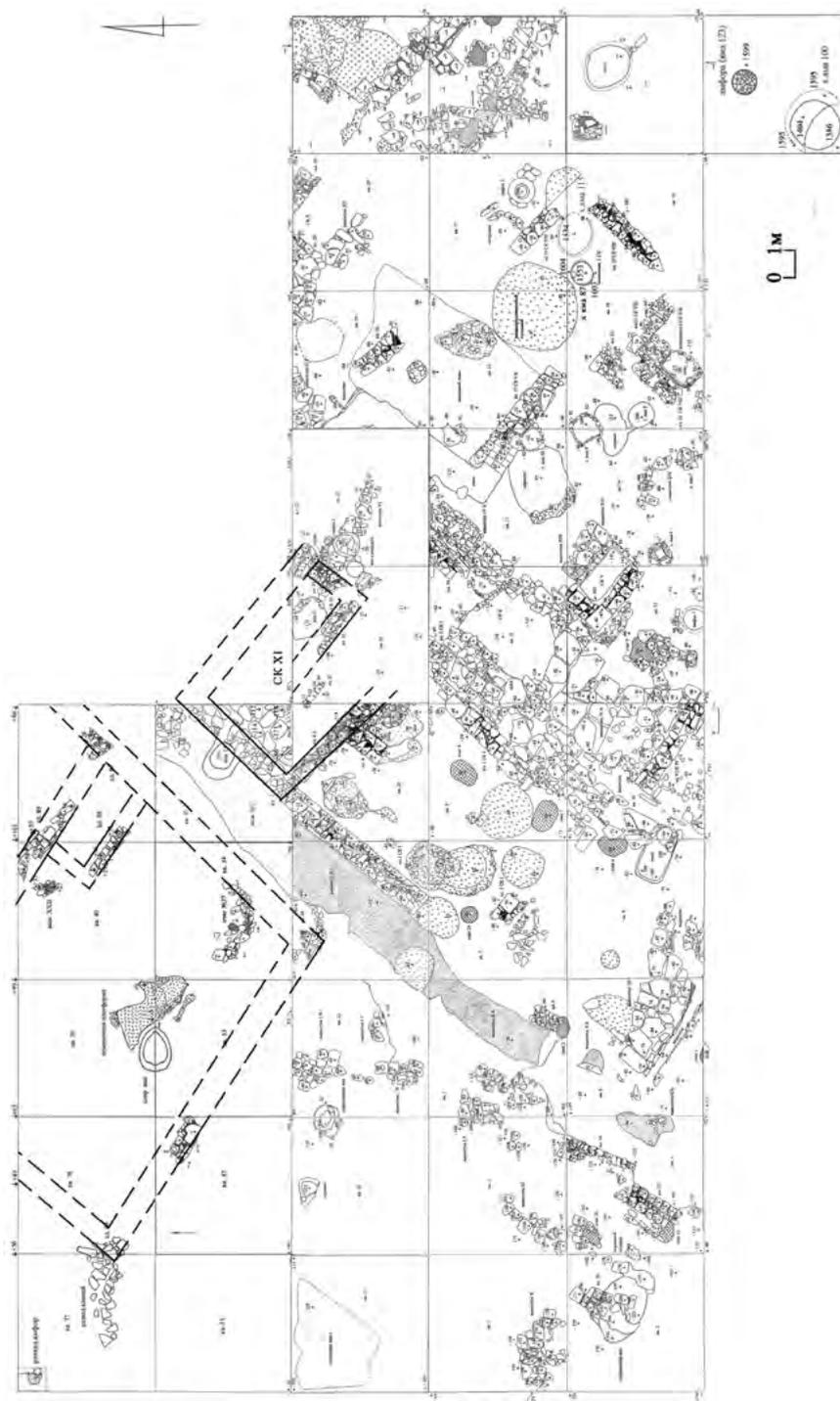


Рис. 5. План построек последней четверти VI – третьей четверти VII в. в центральной части Тиритаки
Fig. 5. Plan of the buildings from the last quarter of the sixth to the third quarter of the seventh century in the central area of Tiritaki

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4–86.
2. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 206–211.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Боспор в конце VI – VII вв. // II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 5.
5. Айбабин А.И. Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 6.
6. Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 186–189.
7. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45.
8. Айбабин А.И. Гунны в Равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 47–61.
9. Айбабин А.И. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 7–16.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Наука, 1962. 523 с.
11. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 216 с.
12. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
13. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–218.
14. Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 3–148.
15. Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 79–91.
16. Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.
17. Зинько А.В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
18. Зинько А.В., Зинько В.Н. Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // ТГЭ. 2017. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 164–176.
19. Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ранневизантийского города Боспора и его плито-грунтовых некрополей // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXII. С. 107–148.
20. Зинько В.Н. Жилищно-хозяйственные комплексы IV–VIII вв. на поселениях Героевка-II и Героевка-VI // Византия и народы Причерноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы докладов. Симферополь, 1994. С. 18–20.
21. Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 217–248.
22. Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
23. Зинько В.Н., Зинько А.В. Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 168–186.
24. Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. 704 с.
25. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009. 328 с.

26. Зинько В.Н., Соловьев С.Л. Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 159–163.
27. Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV: Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.
28. Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 108–131.
29. Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии России. СПб., 1891. Вып 6. С. 1–30.
30. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. 156 с.
31. Куликов А.В., Иванина О.А. Об одном скульптурном портрете Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. 2008. Вып. II. С. 44–50.
32. Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. I. С. 657–672.
33. Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 135–149.
34. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–394.
35. Молев Е.А., Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 219–225.
36. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 355–392.
37. Успенский В.А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. 1952. № 25. С. 415–421.
38. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980. 214 с.
39. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verlag des RGZM, 2011. 276 S., 32 Taf. (Monographien des RGZM. Band 98).
40. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. II. Berlin, 1960.
41. Charles R.H. The chronicle of John (c. 690 A.D.), Coptic bishop of Nikiu. London, 1916. 317 p.
42. Twardecki A. New greek inscription and graffito from Tyritake // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 545–551.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The chronology of the cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine periods. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 4–86.
2. Aibabin A.I. Burials of nomad nobility in the Crimea in the end of the 4th–6th centuries. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 206–211.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Aibabin A.I. Bosphorus at the end of the 6th–7th centuries. II Bosporskie chteniia. *Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia* [The materials of 2nd Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Pont in the period of Antiquity and the Middle Ages], Kerch, 2001, p. 5.
5. Aibabin A.I. Excavation of a new fish salting complex in Bosphorus. *XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii* [The materials of 13th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Problems of Urbanization], Kerch, 2012, p. 5–6.

6. Aibabin A.I. The byzantine ports in the Crimea in the 4th–7th centuries. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, vol. 23, pp. 186–189.
7. Aibabin A.I. On the reform of the administrative system of byzantium's possessions in the Crimea in the last quarter of the 6th century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
8. Aibabin A.I. The Huns in the plains of Crimea. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 47–61.
9. Aibabin A.I. A fisherman's house in Early Byzantine Bosporos. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to Aleksandr Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 7–16.
10. Artamonov M.I. *Istoriiia khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, Nauka Publ., 1962, 523 p.
11. Gadlo A.V. *Eticheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus of the 4th–10th centuries]. Leningrad, University Publ., 1979, 216 p.
12. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritaka in 1935–1940. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1952, no. 25, pp. 15–134.
13. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritaka and Myrmeky in 1946–1952. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1958, no. 85, pp. 149–218.
14. Gaidukevich V.F. Ilurat. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1958, no. 85, pp. 3–148.
15. Zasetskaia I.P. Some results of the study of the chronology of the monuments of the Hunnic era in the southern Russian steppes. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1986, vol. 27, pp. 79–91.
16. Zasetskaia I.P. Relative chronology of the crypts of the late antique and early medieval Bosporus necropolis (late 4th – early 7th centuries). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1990, vol. 30, pp. 97–106.
17. Zin'ko A.V. On the tanning business in the Bosporus city Tyritake. *XI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly* [The materials of 11th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Handicrafts and Trades], Kerch, 2010, pp. 145–150.
18. Zin'ko A.V., Zin'ko V.N. On the topography of the Bosporus in the Early Byzantine period. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2017, vol. 89, pp. 164–176.
19. Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. To the topography of the early Byzantine city of Bosporus and its slab and ground necropoleis. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, vol. 32, pp. 107–148.
20. Zin'ko V.N. Housing complexes of the 4th–8th centuries on the settlements of Heroevka-2 and Heroevka-6. *Vizantiia i narody Prichernomor'ia v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.): Tezisy dokladov* [Byzantium and the peoples of the Black Sea region in the early Middle Ages (4th–9th centuries): Abstracts], Simferopol, 1994, pp. 18–20.
21. Zin'ko V.N. Eastern Crimea during the era of the Khazar Kaganate. *Khazary: mif i istoriia* [Khazars: myth and history], Jerusalem, Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, pp. 217–248.
22. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. An amphorae storage excavated in Early Byzantine Tyritake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 173–185.
23. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. The principles of the planning structure of the Bosporan city of Tyritaka in the Early Byzantine period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 168–186.

24. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie komplekсы vtoroi poloviny III–VII vv.* [Tiritake. Excavation Trench XXVI. Volume III. Archaeological complexes of the second half of the 3rd–7th centuries]. Simferopol, Kerch, 2020, 704 p.
25. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation Trench XXVI. Volume I. Archaeological complexes of the 8th–10th centuries]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2009, 328 p.
26. Zin'ko V.N., Solov'ev S.L. Excavations at the settlement of Geroyevka-2 in 1992. *Bosporskii sbornik* [Bosporan collection], Moscow, 1994, vol. 4, pp. 159–163.
27. Zin'ko E.A., Zin'ko V.N. The process of christianization of the Bosporan town of Tiritake. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2015, vol. 74, pp. 377–388.
28. Kazanskii M.M. Huns on Cimmerian Bosphorus. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 108–131.
29. Kulakovskii Iu.A. Kerch Christian catacomb of 491. *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on archeology of Russia], St.-Petersburg, 1891, vol. 6, pp. 1–30.
30. Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy* [The past of Taurida]. Kiev, 1914, 156 p.
31. Kulikov A.V., Ivanina O.A. About one sculptural portrait of the Kerch Lapidarium. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika* [Scientific collection of the Kerch nature reserve], 2008, vol. 2, pp. 44–50.
32. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions from Christian times from Southern Russia]. St.-Petersburg, 1896, 144 p.
33. Makarova T.I. Bospor-Korchev according to archaeological data. Tolochko P.P. (ed.), *Vizantiiskaia Tavrika* [Byzantine Taurica], Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 135–149.
34. Makarova T.I. Archaeological excavations in Kerch near John the Baptist Church. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 344–394.
35. Molev E.A., Moleva N.V. The complex of cult buildings on the south-eastern border-line of the Kytaia city sanctuary (excavations of 2005–2006). *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob'ekty* [The materials of 8th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Sanctuaries and Sacred Objects], Kerch, 2007, pp. 219–225.
36. Sidorenko V.A. Copper coinage of Byzantine Bospore (590–668 AD). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 355–392.
37. Uspenskii V.A. Exploration of an ancient oil amphora found in Tiritake. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1952, no. 25, pp. 415–421.
38. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografii» Feofana, «Breviarii» Nikifora (teksty, perevod, kommentarii)* [Byzantine historical works: “Chronography” of Theophanes, “Breviaries” of Nicephorus (texts, translation, commentary)]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 214 p.
39. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, Verlag des RGZM, 2011, 276 p.
40. Altheim F. *Geschichte der Hunnen*. Bd. II. Berlin, 1960.
41. Charles R.H. *The chronicle of John (c. 690 A.D.), Coptic bishop of Nikiu*. London, 1916. 317 p.
42. Twardecki A. New greek inscription and graffito from Tyritake. *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii* [The materials of 14th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history], Kerch, 2013, pp. 545–551.

Информация об авторах

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AАН-7506-2019.

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Authors information

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7506-2019.